

Elżbieta Janus

Своеобразие возникновения русского аналитического компаратива : (в аспекте взаимодействия языков и культур)

Acta Polono-Ruthenica 5, 21-37

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Elżbieta Janus
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
UWM w Olsztynie

**Своеобразие возникновения русского аналитического
компаратива
(в аспекте взаимодействия языков и культур)**

Аналитические формы степеней сравнения – в том числе формы аналитического компаратива – складывались по-разному в конкретных славянских языках. Как известно, они не унаследованы из праславянского языка и возникают в ходе исторического развития славянских языковых систем. Они (насколько удалось проверить) не зарегистрированы также в живых славянских говорах. Таким образом, их возникновение связано с относительно поздним периодом времени и вызывает большой интерес. Проблеме происхождения аналитической превосходной степени в русском языке посвящены многие лингвистические исследования [см.: 3, 16], аналитический компаратив изучен в меньшей степени.

Хочется подчеркнуть, что аналитический компаратив чрезвычайно интересен с точки зрения выражаемого им компаративного смысла и в семантическом плане не является (или не всегда является) дублетным способом его выражения [см. 6, 7]. К тому же образование синтетического компаратива нередко связано с рядом формальных ограничений, которых лишен аналитический компаратив.

Характерно, что в современных славянских языках частотность употребления аналитического компаратива невысокая. По подсчетам сотрудников группы „Градаториум” при Варшавском университете, в русском языке аналитический компаратив составляет 15,6 % всех форм сравнения, в белорусском – 15,1 %, в украинском – 8,4 %, в польском – 8 % по одним подсчетам, 11,3 % – по другим [1, с. 14; 19, с. 18].

Вопрос образования аналитического компаратива в русском

языке следует рассматривать на широком фоне русских культурных связей. В своей последней книге *Царь и патриарх* Борис Андреевич Успенский указывает на „внешний” характер русской культуры: „Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию, затем – на Запад. Реформы Владимира Святого, ознаменовавшие приобщение Руси к византийской цивилизации, и реформы Петра I, декларировавшие приобщение России к цивилизации западноевропейской, обнаруживают принципиальное сходство; реформы эти, в сущности, аналогичны по своему характеру – меняется лишь культурный ориентир. В одном случае провозглашается принцип *ex Oriente lux*, в другом – *ex Occidente lux*, однако в обоих случаях ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем. [...] Культурное развитие осознается как освоение чужого опыта” [53, с. 5].

Эта направленность на чужое мотивируется внешними языковыми факторами. Её рождает – по мнению А. В. Исаченко – „отсутствие необходимости отстаивать ничем не оспариваемую национальную самобытность, отсутствие национального оборонительного пафоса, столь характерного для эпохи возрождения других славянских народов” [32, с. 27]. Из неё вытекает „терпимость к иностранным (особенно французским и немецким) словам”. Открытость к заимствованиям вызывается в XVIII веке „продолжительным русско-французским языковым дуализмом” [32, с. 27]. Заимствования расценивались как приобщение к европейской культуре.

Успенский однако подчеркивает, что „заимствованные культурные идеи и модели” переосмысляются на русской почве и „субъективная установка на реставрацию фактически приводит к новаторству” [53, с. 13].

С заимствованиями аналитический компаратив впервые связал В. В. Виноградов. В работе 1938 года *Современный русский язык*, вып. I: „Введение в грамматическое учение о слове” Виноградов, рассматривая дискуссию половины XIX века об аналитизме, особо отметил высказывания В. А. Бородицкого, который „очень остроумно связывал факты грамматического аналитизма” с развитием идиоматических сращений, с „переходом целого выражения как бы в одно слово определенной формы, где смысл отдельных частей уже стусhevывается”. К примерам Бородицкого типа *самый хороший*

Виноградов добавляет: „С тем же основанием можно вспомнить и заимствованные в конце XVIII в. из французского языка книжные формы сравнительной степени наречий и прилагательных: *более живо (рассказать), более смелый* (ср. франц. *plus vite*)” [26, с. 141]. Имеется в виду заимствование определенного типа конструкции, т.е. калькирование. В более поздних работах по истории русского литературного языка этот вопрос Виноградовым уже не затрагивался по понятным, кажется, причинам.

Как известно, заимствование грамматической формы или морфемы происходит в языках крайне редко, однако синтаксические кальки – явление весьма нередкое. Задача этой статьи сводится к указанию внешних и внутренних факторов, способствовавших возникновению аналитической компаративной конструкции. Попутно уточним также некоторые аспекты высказывания В. В. Виноградова. Итак, наша маленькая лингвистическая проблема укладывается в русло *Ex Occidente lux*.

Следует отметить, что XVIII век является особенно весомым для русского языка и культуры. Его можно сопоставить с XVI веком в истории польского языка. Как замечает Успенский [51, с. 66], десятилетия XVIII века можно приравнять к столетиям в другие периоды развития русского литературного языка.

Открытость русской культуры, упомянутая выше, определяет её отношение к переводам. Переводы латинской, польской и немецкой литератур в первые десятилетия XVIII века и затем французской – имели принципиальное значение. „Количество переводных произведений в XVIII веке в России не просто велико. В нем нельзя не видеть некоторого специфического признака культуры данного периода в целом” – пишет Ю. М. Лотман [35, с. 222].

На соотношение оригинальных и переводных книг указывают подсчеты В. В. Сиповского [42, с. 42-43]. Итак, в 1763 году появились – по Сиповскому – первые русские оригинальные романы. Их вышло два, а переводных (включая издания в журналах) – 30. К тому же 18 из них выходили отдельными изданиями: в 1800 году 4 оригинальных романа, переводных (включая издания в журналах) – 61.

Попутно заметим, что многие тексты немецкого языка переводились на русский язык с их латинского перевода. Латынь была своего рода „языком – посредником” в процессе усвоения немецких

текстов, подобно тому, как французский язык играл такую же роль по отношению к английским текстам.

Итак, переводная литература, сыгравшая существенную роль в истории русской культуры этого периода, должна учитываться и при анализе лингвистических явлений.

В поисках рассматриваемого нами аналитического компаратива просмотрен материал картотеки *Словаря русского языка XVIII века* в Ленинграде, включающей материал переводных и оригинальных произведений, и учтен материал работ Босака [2, 22]. Проанализирована также картотека *Словаря русского языка XI–XVII вв.* в Москве и издания деловых и более разговорных текстов XVIII века [28, 31, 38].

В картотеке *Словаря XVIII века* материал разделяется на III периода:

I. с начала века до конца 30-ых годов (Петровская эпоха);

II. с 40-ых годов по 80-ые;

III. последняя четверть века до 1810 года.

Нами сохраняется это деление.

Материал показывает, что в XVIII веке в качестве показателей аналитического компаратива функционируют: *больше–меньше, более–менее*.

Количественное сопоставление аналитического компаратива с очередными показателями в исконно русских и переводных текстах (по рассмотренным материалам) иллюстрирует следующая таблица:

период	иск. рус.		перевод.	
	БОЛЬШЕ	МЕНЬШЕ	БОЛЕЕ	МЕНЕЕ
I	3	5	4	3
II	23	38	11	23
III	6	8	8	6
I	2	–	–	–
II	11	13	3	5
III	38	14	17	6

Приведем несколько примеров: Сообществу язва он; но *больше ужасенъ* Трофимъ съ сладкимъ языкомъ, и *больше опасенъ* (Кан-

темир, *Сатира III*); ... а стихотворство такое, которое к любви было бы *больше склонно* (Фонтенель, *Разговоры о множестве миров*, перевод Кантемира). Что ... *больше* испытания нашего *достойно*, как ... (Ломоносов, 1751 г.); Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы, Коими стали мы вдругъ народъ уже новый, *Не меньше стройный* другихъ, *не меньше обильный* (Кантемир, *Сатира II*); Но когда слово *allegretto* стоитъ, то играть надлежитъ *меньше весело* (*Скритичная школа*, 1784), Но Ева *боль* виновна нашей долъ (Майков, *Нравоучительные басни*). В философии разумное предложение и блистающая феория *больше* бывают *угодны* образованию читателей, и *более способны* к приведению в великую славу (Маллет, *Житие Бакона*, пер. Третьяковского); Невтонъ *не менъе* того бывалъ *разсъянъ* („Московский журнал”, 1971); *Мнъе* Одиссомъ весьма *огорченъ*, коль – самими Атриды (Третьяковский, *Телемахиды*).

Приведенное сопоставление позволяет заметить основные тенденции в употреблении указанных показателей на протяжении всего столетия. Бросается в глаза количественный рост всех показателей во II период XVIII века и преобладание примеров, почерпнутых из переводных текстов. Самые распространенные в это время показатели *больше – меньше* вытесняются в дальнейшем показателями *более – менее*, которых к концу века больше в исконно русских текстах по сравнению с переводными. Это свидетельствует уже об ассимилированности аналитического компаратива. Итак, процесс возникновения и формирования аналитического компаратива отмечен рамками – от Кантемира до Карамзина. В процессе становления аналитического компаратива важную роль сыграли переводы с языков, обладавших этим аналитическим способом выражения компаративного смысла.¹

Кроме указанных показателей, в XVIII веке существовали еще менее распространенные *паче, вяще, пуще*, восходящие к традиции церковнославянских и древнерусских текстов. Два последних представляют собой явление маргинальное с точки зрения их количественного употребления, *паче* заслуживает особого внимания.

---

¹ Следует отметить, что в текстах до XVIII в. не обнаружены убедительные примеры аналитического компаратива. Единичные случаи (в основном с причастиями) свидетельствуют о возможности возникновения таких сочетаний и позднейшей их грамматикализации [6].

Как показал Галлис и вслед за ним Фаловски, конструкции „компаратив + *паче всех/ паче всего*”, имеющие суперлативное значение, обнаружены уже в старославянских текстах. Они – по мнению авторов – представляют собой кальки с греческого языка и зарегистрированы в самых древних переводах с греческого [3, s. 13]. В нашем материале основная часть примеров с показателем *паче* обнаружена в исконно русских текстах. Это иллюстрирует следующая таблица:

ПАЧЕ		
период	иск. рус.	перевод.
I	8	2
II	25	8
III	17	7

Приведем примеры: Твоя задумчивость *сомнительна* мнѣ *паче* (Херасков, *Мартезия и Фалестра*); *Священъ* мнѣ *паче* зракъ Героевъ, моихъ любезнихъ согражданъ (Державин, *Сочинения*).

Следует отметить, что *паче* образует самые ранние аналитические компаративы наречий. Они восходят к половине XVIII века, в то время как сочетания других компаративных показателей с наречиями обнаружены лишь к концу века.

Хотя примеры аналитического компаратива в XVIII веке не очень многочисленны, любопытно, что уже в начале этого столетия обнаружены случаи, когда синтетической форме оригинала соответствует аналитический компаратив в русском переводе. Так, в ломоносовском переводе *Вольфианской экспериментальной физики* 1729 года латинской фразе *Quodsi mutationes sensibiliores evadere debent* соответствует русская: *Ежели надобно, чтобы перемены были больше чувствительны, тогда ...* (Ломоносов, *Полн. собр. соч.*, т. I, М. – Л. 1950, 464). Из этого можно заключить, что аналитический компаратив уже к этому времени представлял собой способ выражения компаративного смысла, не всегда обусловленный исходным текстом. Об этом свидетельствуют также грамматики русского языка.

Характерно, что аналитический компаратив был впервые замечен иностранцами. Первая грамматика, в которой он упоминается, это французская грамматика русского языка Жана Соје 1724 года.

Автор приводит два показателя: *более* и *вѣще* – находятся болѣе /*вѣще*/ *лукавыи* люди [50, с. XV].

Словарь Вейсмана немецко-латинско-русский 1731 года также считает аналитический и синтетический компаративы двумя параллельными способами выражения компаративного смысла. Рядом перечисляются в нем выражения: *ученѣ другихъ* и *больше* в наукахъ *искусенъ*. Как замечает Б. Успенский [50, с. XV], иностранцы исходили здесь из фактов живой речи, ориентировались на русский языковой полюс, следовательно, наличие аналитического компаратива в грамматиках, написанных иностранцами в первые десятилетия XVIII века, очень информативно.

Самое раннее употребление показателя *больше* можно обнаружить в *Технологии* Ф. П. Поликарпова 1725 года. *Технология* – это своеобразное описание языка. Оно представляет собой пособие для учителя, составленное в виде вопросов и ответов, в котором сопоставляются формы церковнославянские и русские. Автор пытается выявить специфические „великороссийские” формы. Среди степеней сравнения прилагательных Поликарпов, известный филолог, указывает на аналитический способ их образования и приводит примеры сравнительной степени *больше крѣпокъ* и превосходной *очуль больше крѣпокъ* наряду с *крѣпчайший* [49, с. 107; 52, с. 501-504]. *Очуль* (очень) имеет здесь значение 'намного' [см. 8]. Сопоставление церковнославянских и русских форм подчеркивает „русский” (неисконный) характер аналитического компаратива.

Степени сравнения – по словам Успенского – „это та область именной морфологии, где особенно отчетливо и наглядно проявляется противопоставление церковнославянского и русского языка” [50, с. XV].

Интересно, что аналитический компаратив не отмечается в других грамматиках, написанных русскими. Нет его ни в описаниях церковнославянского языка, ни даже в *Российской грамматике* А. А. Барсова, представляющей собой „наиболее полное описание русского языка XVIII в.” [48, с. 3]. Это вызвано как некоей унаследованной моделью описания языка, не всегда адекватной предмету описания, так и характером самой конструкции – *более* (*больше*) является естественным способом усиления смысла и может легко присоединяться не только к прилагательным и наречиям, но и к другим классам выражений (ср. Он *более/больше волнуется*,

чем она; Он *более/больше взволнован*, чем она; Он *более/больше взволнованный*, чем ...; Она *более своя*, чем он и т.п.).

Грамматики иностранцев неоспоримо указывают на фактически употребляемые языковые формы и выражения. Следовательно, можно утверждать, что аналитический компаратив функционировал в живом русском языке в начале века.

Установив наличие аналитического компаратива в русском языке XVIII века, следует учесть соответствующий материал польского языка и языка Юго-Западной Руси.

В польском языке аналитический компаратив известен с XVI века. В *Древнепольском словаре*, охватывающем материал вплоть до 1500 года, он не зарегистрирован. С XVI века известны аналитические компаратив и суперлатив с показателями: *więcej*, *najwięcej* и *bardziej*, *najbardziej*. Известен также компаратив с *mniej*, не имеющий соответствующей синтетической формы. Ср.: *Gdyż nie jest nic młodości więcej szkodliwego*, *Jedno swawolnie chodzić za wieku swojego* (Rej, *Wizerunk*); */Diabeł/ nawięcej pilen*, *aby roztyrk mnożył* (op. cit.); *Aniołowi podobna bardziej niż człowieku* (Kochanowski, *Fragmenta*); *... żadnego nabarziej upadłego nigdy opuszczać nie raczy* (Rej, *Postylla*); *Bo każdy mąż dobry na czoło rad się wysadza a mniej godni w pośrodek* (Bielski, *Sprawa rycerska*). *Otóż masz opilstwo ... A niechaj kto ma rozum, powie, Jeśli taki podobien namniej k człowiekowi* (Rej, *Wizerunk*).

Аналитический компаратив представлен также в текстах Юго-Западной Руси, где можно усмотреть польское языковое влияние. Оно отразилось в так называемой „простой мове” – литературном языке, просуществовавшем в Юго-Западной Руси со II половины XVI века до конца XVII века. Этот язык, возникший на основе канцелярского языка Юго-Западной Руси, „обнаруживает несомненный разговорный субстрат, который подвергается искусственному окнижнению за счет [...] славянизации и [...] полонизации” – пишет Успенский [49, с. 68]. Существовали два варианта „простой мовы”: более славянизированный – украинский вариант и более полонизированный – белорусский вариант. Границы между „простой мовой” в её белорусском варианте и польским языком оказываются при этом нечеткими: в предельном случае тексты на „простой мове” могут приближаться к кириллической транслитерации польского текста” [51, с. 308]. Многие авторы, пишущие на „простой

мове”, писали также по-польски. „Двуязычность украинских писателей XVII в. создавала возможность влияния культурного наследия древнепольского периода” [15, с. 16]. Знание польского языка было повсеместным.

О роли польской литературы и разного типа памятников письменности в культуре Юго-Западной Руси свидетельствует количество переводов с польского языка (хотя бы в *Словаре* И. У. Будовнича), учебные материалы Киево-Могилянской Академии, где вплоть до половины XVIII века функционировал польский язык наряду с латинским [15, с. 15; 13, с. 14 след.].

Некоторые польские писатели, например М. Рей, функционировали в Юго-Западной Руси анонимно. Тексты Рея (особенно *Постилла*) включались в состав учительных Евангелий, становясь их важными источниками. Ян Янув считает, что „(Rej) wpłynął na Ruś głębiej i szerzej niż całe kolegia jezuickie... Kiedy zaś wśród ludności polskiej zgneębiono go ostatecznie zakazem (indeks 1604 r.), to na Rusi, w księgach czytanych po cerkwiach, nauki Rejowe przetrwały do XVIII w. Do dziś zachowało się przeszło 30 kodeksów Ewangeliarzy kaznodziejskich, w których możemy odnaleźć jego pouczenia” [5, с. 123].

Тексты многих авторов (Яна Кохановского, Петра Кохановского, Петра Скарги, Сарбевского, Твардовского и др.) включались в состав учебников по поэтике [см. 15, 10], а стихотворный перевод *Псалтыри* первого из них служил стимулом для перевода Симеона Полоцкого, хотя одновременно вызвал ряд церковных запретов [17]. О польском влиянии свидетельствуют описания библиотек деятелей юго-западно-русской культуры XVII века. Следует упомянуть также значение силлабического стихосложения и роль школьного театра. Польское влияние признается самым сильным иностранным влиянием в Юго-Западной Руси в XVII веке [9, 12, 13, 14].

Учитывая роль польской культуры в Юго-Западной Руси и близость польского языка и „простой мовы”, мы постараемся проанализировать рассматриваемый нами тип компаратива в юго-западно-русских текстах. Итак, не вызывает удивления аналитический компаратив с заимствованным показателем *барзей*. Ср.:

– змовившись нечистыйи духове зашкочиди, *барзѣй оушкожены* были (*Евангелие учительное, албо казаня на кождую неделю и свята урочистыйи презь святого отца нашего Калиста*, Евъе 1616, 11);

– естесмо *барзей* ніжъ землю *нечульми* (*Зборнік навучэнняў сярэдзіны XVII ст.*; *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, Мінск 1982, вып. I);

– Іоаннь далеко *барзей зацнейшій* Ілія былъ пророкъ, а Іоаннь болшей межъ пророкъ (*Сборник слов и житий святых – ркп. XVII – XVIII ст.*) [25, с. 271];

– его кацерские выклады мѣти хотят. Кгдыжъ *барзѣй* оринналы Грецкіи вѣры *годны* суть, нижели Латинскіи переклады (Петр Могила, *Крестъ Христа Спасителя, и каждого члка на казаню публичномъ, 1632 г.*; рукопись Национальной библ. в Варшаве);

– але если земли [...] пророкъ кланятися розказуеть: далеко *барзѣй пристойная* речъ естъ кресту кланятися (ук. соч.),

– отколя взялисте тыи непотребныи, а *барзѣй* до балвохвальства *притягаючии*, до розмышляня контерфетовыи побудки (ук. соч.).

Характерно, что компаратив с *барзѣй* отражен в учительном Евангелии, в житиях святых, проповедях и поучениях. Именно в такого типа религиозных текстах позволялось применять „просту мову” [51, с. 317]. Ее использование оправдывалось незнанием церковнославянского языка. „Язык словенский многим мало потребен и непожиточен ставшися”, – писал Смотрицкий в предисловии к учительному Евангелию 1616 года.

В „простой мове” заимствуются также показатели *мней* и *лепей*. Ср.:

– тотъ соборъ *не мней* естъ *поважнѣй* и *светѣй* (*Описание и оборона собору русского берестейского*, Вільна 1596) [25, ч. 2, с. 285]²,

– и от сее фили вжо есми в доброй надеи и *лепей весел* нижли перво (*Повесть о славном рыцэры Трысцане*) [25, ч. 2, с. 285].

С юго-западно-русской территорией можно связывать примеры аналитического компаратива в *Назирателе* - переводе латинского текста Петра Кресценция 1471 года. Текст был первоначально в 1549 году переведен на польский, а затем – как выяснила Гольщенко – на русский. Однако „между польским переводом и рукописью *Назирателя*, по-видимому, было тоже промежуточное звено – перевод с польского на русский или оригинал русского

² Показатель *мней* в юго-западных текстах А. Пеннингтон считает полонизмом, см.: Grigorij Kotošichin, *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and commentary*, ed. by A. E. Pennington, Oxford 1980.

перевода, который либо был занесен в Москву из Юго-Западной Руси, либо был сделан в другом месте, например в Москве, переводчиком юго-западного происхождения” [27, с. 73]. В *Назирателе* представлен лишь показатель *больше*. Ср.:

– В луку есть острость кабы рѣзача. Таково ж горкость и терпкость. А что глубоко къ сердцу, то *болии острая* красность ее /=его/ *болии острая* нежели бѣлость (с. 511);

– таковым травкам *болии любы* суть горние мѣста, нежели низины ... (с. 345);

– тучная земля [...] *болии* на рож или на инои хлѣб *угодна* есть (с. 329).

Как было отмечено выше, аналитический компаратив (в основном с показателем *паче*) встречается в текстах на упрощенном церковнославянском, т. наз. гибридном языке. Это Библия Скорины, изданная в Праге в 1517–1519 годах, затем в Вильне в 1525 году и сочинения Симеона Полоцкого. Ср.:

– Справедливость *приятна* бо есть господеви *болѣи* нежели приношение жертвы (*Притчы Саломоновы* 25 об) [21, с. 30];

– Сауль [...] рече къ Давыду *справедлившии* еси *паче* мене (*1 книга Царствау* I, 52) [25, с. 251];

– И внегода быхъ *болѣе* *летии*, придохъ къ телу непоскверненному (*Премудрасць* 13) [24, с. 176];

– Аки бы художество челоувѣка тлѣнна *изрядно* было *паче* дѣла божественна [40, с. 21];

– Царь ... увѣща токмо разбоя престати, *паче* же честно с враги воевати [40, с. 17].

Итак, обнаруженные нами примеры аналитического компаратива в текстах, связанных с юго-западно-русской территорией, указывают на связь этих конструкций с польским языком. В них заимствуется тип конструкции и нередко показатель компаратива (*барзѣй, лепей, мней*).

В свою очередь, как замечает Фаловски, анализируя суперлативные формы, „nie należy zapominać o tym, że zachodni Słowianie znajdowali się pod silnym wpływem językowym łaciny i niemieczyny: języków, które dysponowały specjalną formą stopnia najwyższego” [3, с. 107, прим. 2]. Это замечание справедливо также по отношению к компаративу.

На польское влияние в области степеней сравнения указывает

также *Грамматика* Ужевича 1643 года. Это описание „простой мовы” (на латинском языке), составленное украинским студентом Парижского университета. В нем впервые, как утверждает Лесюв [11, с. 92], упоминается суперлативная форма прилагательного с префиксом *най-* (*найзацнейший*, *найслодший*). Добавим, что в части *Tabula Irregularium* перечисляются: *добрый – льтший – найлтший*, *злый – горший – найгорший*. По отношению к *великий* автор приводит формы степени: *болший – найболший*, добавляет однако, „взятые с польского”, *великий – венкий – найвенкий* [47, с. 17]. Как видно, сфера степеней сравнения легко подвергается иноязычному влиянию. „Na ówczesne formy superlatywu w tzw. prostej mowie wpłynął bezwzględnie język polski, ... na formy zaś gradacyjne języka ukraińskiego i częściowo białoruskiego miał on wpływ przynajmniej wspierający” – пишет Лесюв [11, с. 92].

На фоне всего сказанного следует отметить легкую калькированность градационных конструкций разного типа. Выше мы упоминали уже о суперлативных конструкциях с *паче всего/паче всех*, которые считаются кальками с греческих *υπερ παντας*, *παρα παντας*. Синтаксические кальки представляют собой очень распространенную сферу калькирования. Формирование аналитических степеней сравнения – это область не столь морфологии, сколь синтаксиса. Об этом свидетельствует частое дистантное расположение относящихся друг к другу элементов, возможность сочетать показатель *больше/более* и др. с синтетическим компаративом наряду с позитивом и др. Грамматикализация этих конструкций возникает постепенно, постепенно складывается также их синтаксическое оформление. Еськовой приводятся примеры дистантных компаративных сочетаний с родительным объекта еще в художественной литературе конца XIX – начала XX столетия, типа: *более* прежнего *резкий* голос; ... был *менее* других *уязвим* и т.п., хотя они считаются уже архаичными [29; ср. также 34, с. 117]. Такие сочетания возникали по образцу синтаксиса синтетического компаратива. Еще в *Грамматике* Исаченко 1965 года синтетический компаратив сочетается лишь с родительным падежом существительного. Сегодняшние распространенные конструкции типа *Иван способнее, чем Вася* это результат влияния синтаксиса сочетаний с аналитическим компаративом.

Калькирование в области степеней сравнения отмечено Моль-

наром, который расценивает английские аналитические компаратив и суперлатив как „французские” по происхождению: *more statical ~ plus statique* [18, с. 49].³

В современных закарпатских говорах украинского языка аналитический компаратив по происхождению румынский – образуется при помощи румынского элемента *май*: *май теплий, май острый* и т.п. „Модель творения компаративу запозичена українською мовою з румунської”, – считает Прилипка [41, с. 91]. Здесь калькируется и тип конструкции и градационный элемент. В русских говорах на территории Румынии возникают плеонастические *май красивее, май легче* [41, с. 92]. К перечисленным примерам можно еще добавить некоторые суперлативные формы в современной так наз. „польщизне виленской”, не имеющие соответствий в общепольском языке. Ср.: *To dla mnie sama glównie. Ona sama starsza z nich. U mnie sama ważne, żeby ludzie byli*. Здесь нетрудно усмотреть восточнославянское влияние, которое может также поддерживаться литовским языком.

На протяжении истории русского языка калькирование предпочиталось прямому заимствованию – пишет Хютль-Ворт [54, с. 33]. Калькируются типы конструкций, разные языковые элементы, возникают семантические кальки и даже калькируется языковая ситуация. Церковнославянско-русское „двуязычие в Юго-Западной Руси калькирует латинско-польское двуязычие в Польше. Функциональным эквивалентом латыни выступает здесь церковнославянский язык, а функциональным эквивалентом польского литературного языка – »проста мова«” [51, с. 310]. Постепенному вытеснению латыни в ситуации польского языка соответствует постепенное вытеснение церковнославянского языка в Юго-Западной Руси. В свою очередь, указанная ситуация юго-западно-русского двуязычия (сменившая предшествующую ей ситуацию диглоссии), переносится в дальнейшем на территорию Московской Руси.

Перечисленные случаи калькирования требуют еще внутрисис-

---

³ „»Grammatical« calques (i.e. the décalquage of a morphological or syntactical law of one language in another) can be formed in every language much less easily than lexical calques ... The history of languages offers few examples for such changes. See, e. g. the so-called »French« comparative and superlative of English adjectives (*more statical ~ plus statique*), or eg. the dialectal superlative forms of the Gipsy adjectival: *naj-šukare* (Slavic superlative), *mai šukare* (Romanian superlative)”.

темного объяснения. Как упоминалось выше, показатели аналитического компаратива в современном русском языке присоединяются к глаголам, обозначающим измеряемый признак, к причастиям, прилагательным и соответствующим наречиям. Показатель такого типа легко может присоединиться к любому выражению, обозначающему признак (например: Он *больше ангел*, чем она.). Он мог тоже легко сочетаться с прилагательными как способ усиления при сравнении признаков объектов.

В качестве второго фактора, „облегчающего” калькирование конструкций с *больше/более* и др., следует указать на регулярную полисемию этих показателей. Употребление слова *больше* и других показателей в значении 'намного', 'скорее' ('raczej'), 'впредь' и др. облегчает их употребление также в функции показателя компаративности, в функции граданта [8].

Таким образом, широко понимаемое калькирование представляется как важный исторический языковой процесс, возникающий под влиянием внешних и внутренних языковых факторов.

Bibliografia

1. Bartnicka B., Rybicka H., *Analiza statystyczna form stopniowania opisowego w języku polskim, czeskim i słowackim*, [w:] *Zagadnienia kategorii stopnia w językach słowiańskich*, t. 4, Warszawa 1984.
2. Bosák C., *Opisný komparatív v súčasnej ruštině*, [w:] *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české II. Studie syntaktické*, Praha 1961.
3. Fałowski A., *Kształtowanie się kategorii superlatywu przymiotników w tekstach staroruskich i starorosyjskich XI–XVII w.*, Wrocław 1984.
4. Gallis A., *Études sur la comparaison slave*, Oslo 1946.
5. Janów J., *Przyczynek do źródeł Ewangeliarza popa Andrzeja z Jarostawia (przekład ruski pasji z Postylli M. Reja)*, „Prace Filologiczne”, T. 15, 1931, cz. 2.
6. Janus E., *Analityczny stopień wyższy w języku polskim i rosyjskim. Stan współczesny i historia*, Warszawa 1991.
7. Janus E., *Comparativus syntetyczny vs. comparativus analityczny w polszczyźnie*, [w:] *Words are physicians for an ailing mind*, ed. by M. Grochowski and D. Weiss, „Sagners Slavistische Sammlung”, Bd. 17, Munchen 1991.

8. Janus E., *O pewnym wypadku polisemii*, [w:] *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, pod red. T. Dobrzyńskiej i E. Janus, Wrocław 1983.
9. Kochman S., *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*, Wrocław 1967.
10. Lewin P., *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*, Wrocław 1972.
11. Łesiów M., *Stopniowanie przymiotników w dawnych gramatykach cerkiewnoruskich*, [w:] *Zagadnienia kategorii stopnia w językach słowiańskich*, t. 4, Warszawa 1984.
12. Łesiów M., *Wpływ polski na wschodniosłowiańskie języki literackie*, [w:] *Języki i literatury wschodniosłowiańskie*, Łódź 1976.
13. Łużny R., *Dawne piśmiennictwo ukraińskie a polskie tradycje literackie*, [w:] *Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich*, pod red. S. Kozaka i M. Jakóbca, Wrocław 1974.
14. Łużny R., *Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII*, [w:] *O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Tom poświęcony VI Międzynarodowemu Kongresowi Słowistów w Pradze*, pod red. S. Fiszmana i K. Sierockiej przy współudziale T. Kołakowskiego, Wrocław 1969.
15. Łużny R., *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*, Kraków 1966.
16. Milejkowska H., *O formach превосходной степени с нау- в русском языке*, [w:] *Zagadnienia kategorii stopnia w językach słowiańskich*, t. 4, Warszawa 1984.
17. Moczalowa W., *Echa poezji Kochanowskiego w literaturze rosyjskiej*, [w:] *Jan Kochanowski 1584–1984. Epoka – Twórczość – Recepcja*, t. 2, Lublin 1989.
18. Molnár N., *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Text. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices*, Budapest 1985.
19. Orzechowska H. i in., *Stopniowanie opisowe w językach słowiańskich*, [w:] *Zagadnienia kategorii stopnia w językach słowiańskich*, t. 2, Warszawa 1980.
20. Pennington A. E. [ed.], Grigorij Kotošichin, *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and commentary*, Oxford 1980.
21. Аниченко В. В. [сост.], *Слоўнік мовы Ф. Скарыны*, т. 1, Мінск 1977.

22. Босак Ц., *Развитие русского компаратива*, Прага 1971.
23. Будовниц И. У., *Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века*, Москва 1962.
24. Булахаў М. Г., *Прыметнік у беларускай мове*, Минск 1964.
25. Булахаў М. Г., *Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы*, Минск 1971.
26. Виноградов В. В., *Современный русский язык*, вып. 1: Введение в грамматическое учение о слове. Пособие для литературно-лингвистических факультетов вузов, Москва 1938.
27. Гольщенко В. С., Введение в: *Назиратель*, под ред. С. И. Коткова, Москва 1973.
28. *Грамотки XVII – н. XVIII в.*, под ред. С. И. Коткова, Москва 1969.
29. Еськова Н. А., *Степени сравнения в современном русском литературном языке*, Кандидатская диссертация, Москва 1955.
30. Живов В. М., Успенский Б. А., *Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века*, [в:] Grigorij Kotošixin, *O Rossii v carstvomani Aleksieja Michajloviča. Text and commentary*, ed. A. E. Pennington, „International Journal of Slavic Linguistics and Poetics”, т. 28, 1983.
31. *Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой 1767 г.*, Санкт-Петербург 1889.
32. Исаченко А. В., *Какова специфика литературного двуязычия в ситуации славянских народов?*, [в:] *Сборник ответов на вопросы по языкознанию. IV Международной съезд славистов*, Братислава 1958.
33. Исаченко А. В., *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I*, изд. 2, Братислава 1965.
34. Ковтунова И. И., *Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы*, Москва 1969.
35. Лотман Ю. М., *„Езда в остров любви” Треднаковского и функции переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в.*, [в:] *Проблемы изучения культурного наследия*, Москва 1985.
36. *Назиратель*, под ред. С. И. Коткова, Москва 1973.
37. *Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край*,

- под ред. С. И. Коткова, Москва 1984.
38. *Памятники московской деловой письменности XVIII в.*, под ред. С. И. Коткова, Москва 1981.
  39. Первольф Ю., *Славянская взаимность с древних времен до XVIII века*, Санкт-Петербург 1874.
  40. Прилипко Н. П., *Формы словозміни і ступені порівняння прикметників*, [в:] *Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів*, Киев 1983.
  41. Симеон Полоцкий, *Избранные сочинения*, Москва – Ленинград 1953.
  42. Сиповский В. В., *Очерки по истории русского романа (XVIII в.)*, т. 1, вып. 1, Санкт-Петербург 1909.
  43. *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, т. 1, Москва 1988.
  44. *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1, Москва 1975.
  45. *Словарь русского языка XVIII в.*, вып. 2, Ленинград 1985.
  46. Срезневский И. И., *Материалы для „Словаря древнерусского языка“*, т. 1–3, 1893–1903, Санкт-Петербург 1983.
  47. Ужевич І., *Грамматика слов'янська*, підготували до друку І. К. Білодід, Е. М. Кудрицкий, Киев 1970.
  48. Успенский Б. А. [ред.], *Российская грамматика А. А. Барсова*, предисл. Б. А. Успенский, Москва 1981.
  49. Успенский Б. А., *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, IX Международный съезд славистов. Доклады, Москва 1983.
  50. Успенский Б. А., Предисловие [в:] Sohier J., *Grammaire et Methode Russes et Francoises*, факсимильное изд. под ред. и с предисловием Б. А. Успенского, I, Мюнхен 1987.
  51. Успенский Б. А., *История русского литературного языка (X–XVII вв.)*, Будапешт 1988.
  52. Успенский Б. А., *Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы). Избранные труды*, т. 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва 1997.
  53. Успенский Б. А., *Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва 1998.
  54. Хютль-Ворт Г., *О проблемах русского литературного языка конца XVIII – нач. XIX в.*, [в:] *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, (Praha) 1974.